

ПАНОРАМА

Международный день поэзии 21 марта стал на Кубани традиционным для встречи поэтов с читателями. Литературные праздники, посвящённые 70-летию краевой писательской организации, прошли в Тихорецке, Курганинске, Ейске, Анапе и, конечно, Краснодаре.

18 марта в г. Курганинске состоялась встреча с Николаем Зиновьевым, который для многих является любимым поэтом не только Кубани, но и всей России! В дружеской и тёплой обстановке общались с поэтом почитатели его таланта, многие из них сами пишут стихи, активно работают в литературных объединениях края. Прозвучали не только стихи Николая Александровича в исполнении автора, но и члены ЛИТО читали полюбившиеся стихотворения поэта и свои произведения. Задавали вопросы, обменивались книгами. Николай Александрович Зиновьев рассказал, как начинался его творческий путь, что для него главное в поэзии, рассказал о своих наставниках и друзьях-литераторах, и немного – о своей семье...

В Краснодаре мероприятия, приуроченные к Дню поэзии, начались 17 марта в Литературном музее им. Якова Кухаренко. Члены Союза писателей России С.Н.Макарова, В.А.Архипов, Л.Д.Бирюк, Т.Н.Соколова, Г.Г.Пошагаев поделились со студентами государственного медицинского университета и музыкального колледжа им. Н.А.Римского-Корсакова воспоминаниями о прозаиках и поэтах Кубани, с которыми довелось сотрудничать,

о тех, кто стоял у истоков краевой писательской организации. В мероприятии приняли участие актёры театра ветеранов сцены «Премьера» А.Гогава, Е.Туренко, члены краевого литературного объединения «Верность» Л.Дедкова, Э.Савченко, О.Никулин, Ф.Кузнецова, Л.Черкасова, Л.Важинская и другие.

В художественной галерее «Сантал» в канун Дня поэзии краснодарские поэты, члены КРО СПР и ЛИТО «Верность», встречались со старшеклассниками краснодарских школ.

А 21 марта в Международный День поэзии большой литературно-музыкальный праздник был организован Краснодарским региональным отделением Союза писателей России в литературной гостиной краевой научной библиотеки им. А.С.Пушкина. Состоялась встреча краснодарских студентов с ведущими кубанскими поэтами и писателями – членами КРО СПР. Известные литераторы – Любовь Мирошникова, Владимир Нестеренко, Алексей Смоленцев, Светлана Макарова, Вячеслав Динека, Сергей Тимшин, Юрий Васин – рассказали молодежи

о своём творческом пути и прочли отрывки из своих произведений. В рамках мероприятия была представлена выставка «Кубани слово золотое», экспозицию которой составили книги участников встречи.

Краснодарская краевая детская библиотека имени братьев Игнатовых в рамках проекта «Добру откроется сердце ребенка» 24 марта 2017 года в Краснодарской филармонии имени Г.Ф.Пonomаренко провела торжественное открытие Недели детской книги «Очень любят праздник книжки и девочки, и мальчишки!» для воспитанников детских домов Кубани, детей из приемных семей, читателей библиотеки. В мероприятии приняли участие члены Союза писателей России: Владимир Архипов, Владимир Нестеренко и Николай Ивеншев.

В Неделе детской книги кубанские писатели участвовали активно. Только в краснодарской Детской библиотеке №5 побывали Любовь Мирошникова, Светлана Макарова, состоялись встречи с первоклассниками и шестиклассниками гимназии №

72, причём, прошли они так, что ребята попросили продолжить общение в школьных классах, что и произошло. Писательницы рассказали о своих книгах, ответили на многочисленные вопросы. А открылась Неделя детской книги в библиотеке №5 мероприятием «Для вас ребяташки – интересные книжки» На встречу с детской писательницей Натальей Широковой пришли учащиеся 5 «Е» класса МБОУ СОШ №42. Ребята познакомились с историей создания сказочных повестей «Наследники сказочных тайн» и «Агент Бабы Яги». Наталья Алексеевна показала ребятам постеры, ставшие иллюстрациями к ее книгам. Затем Н.А.Широкова познакомила ребят со своими стихами. В конце встречи ребята имели возможность задать писательнице интересные их вопросы. Завязался живой интересный диалог.

О своём творчестве юным читателям поведали и члены литературного объединения «Верность» Любовь Дедкова, Владимир Киселёв, Надежда Никулина, их выступления прошли в библиотеках им. В.Б.Бакалдина, К.И.Чуковского, В.П.Бардадыма и др.

Встречи с кубанскими писателями состоялись не только в нашем крае, Марина Тараненко, автор сборников стихов и прозы для детей, рассказывала о своих произведениях столичной детворе. Встречи со школьниками прошли в детских библиотеках города Москвы.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Николай Краснов 9 МАЯ 1945 ГОДА

Где их застала тишина Победы,
Там и уснули: в танках, на броне,
В грузовиках, на пушечных лафетах,
В садах, в открытом поле и в кюветах –
Уснули сладко, позабыв все беды,
Как не спалось ни разу на войне.
И как пришла – никто из них не слышал –
К ним женщина, печальная, одна,
Ступая легче тени, ветра тише,
Как чья-то мать, невеста или жена.
Пришла им благодарно поклониться
За все, за все, чем их судьба свята.
И пристально разглядывала лица,
И целовала каждого в уста.
То, может быть, она, сама Россия,
В победный час пришла наведать их.
И после безутешно голосила,
Не всех сынов найдя среди живых.

Николай Седов РЕКВИЕМ ПО НЕПОХОРОНЕННОМУ СОЛДАТУ

Война не закончена, пока не похоронен
последний погибший солдат.
Генералиссимус А.В. Суворов

Ты прости, непохороненный солдат,
Во Вселенной нашей без вести пропавший.
Даже память не оставила следа –
Не сыскать уже тебя когда-то знавших.
Ты откликнись и из боя выходи –
Наши взяли ту проклятую высоту,
Где упал ты с враждей пулею в груди
И продолжил к звёздной вечности бросок свой.
Ты невесту или маму позови
И своей так долго властвующей ночи
Навсегда вселенский плач останови –
Без тебя, солдат,
нам той войны не кончить.
Мы пойдём на голос твой, ведь смерти нет,
Когда жизнь отдашь за Родину «и други».
Выгнут радугой сияющие дуги
Над могилой, где придёт конец войне.

Нина Хрущ БЫЛА ВОЙНА

Была война. Горел сосняк.
Луна всходила багровая.
Отбив шестую из атак
Оборонялась батарея.
И в наступившей тишине
Солдат увидел четко, ясно,
Как в сантиметре на земле
Дымил осколок от фугаски.
Он понял сразу что живой
Когда земли услышал свежесть,
Увидел прямо над собой
Весной разбуженный подснежник.
Была война. Горел сосняк.
Заря пылала багровая.
Отбив седьмую из атак
Оборонялась батарея.
Солдат не видел той зари.
Война здесь не простила нежность.
У ослабшей вдруг руки
Качался маленький подснежник.

СВЯТОЕ

Что свято мне – и вам то свято!
Я в том признаться не боюсь.
Измены не прощает Русь,
И в бой благословит солдата.
И не забудет никогда
Того кто пал на бранном поле,
Как мать, пока она жива
Живет любовью или горем.
Что свято вам – и мне то свято!
Я в том признаться не боюсь,
Во веки не забудет Русь
И Неизвестного солдата.

ИМЯ ПОЭТА

Вадим Неподоба, уже в то время, в начале семидесятых, проявивший себя как поэт яркий, самостоятельный, первым откликнулся на моё желание встретиться с тружениками полей. Он тогда ещё не был членом СП, но работал в бюро пропаганды художественной литературы Краснодарской писательской организации, организовывал встречи писателей с читателями и пользовался правом члена СП брать с собой в поездку начинающего литератора. Узнав, что я детдомовец и его ровесник, к тому же оба родились в начале войны, он дружелюбно отнесся ко мне. Не раздумывая, предложил поехать с ним в места, где он учительствовал после окончания пединститута, – в Выселковский район.

Честно сказать, с Вадимом нелегко завязывалась дружба. Он был задирист, имел взрывной характер, но что понравилось мне, душой не кривил... Да, собственно, никакой дружбы поначалу и не было: встречались, обменивались новостями, пили пиво и расходились по своим делам. С ним я не спорил, не вступал в литературную борьбу, как это делали при встрече с ним другие поэты-приятели. Чувствовал я себя не созревшим для шумных дискуссий, сковывало отсутствие филологического образования, а потому предпочитал слушать и наблюдать.

Перед отъездом в Выселки я не мог ночью уснуть, переживал: вдруг разочарую Вадима! Что можно ожидать от самоучки? Имелись во мне какие-то впечатления, подаренные жизнью, но ведь этого так мало!

К зданию вокзала я подъехал за час до отправления поезда. Дул ветер, было темно и сыро, усиливалась робость, граничащая с паникой. И продрог я не так от холода, как от неуверенности в себе. Время подоспело, а Вадима что-то не видать. Но потом – смотрю, он направляется ко мне, пересекая привокзальную площадь. С портфелем, в кепочке кожаной, он поторапливался. Я заулыбался, ожидая встречного дружеского кивка, но не тут-то было. Вадим сухонько, если не равнодушно, окинул меня взглядом, будто не узнавал, с виду был какой-то болезненный, недовольный, будто я был ему помехой. Правда, спросил: «Давно ждешь?» Мы молча прошли через зал ожидания и вышли на перрон. Нас охватил пронизывающий ветер. Вадим сердился, что не догадался поехать в Выселки автобусом: поездом добираться долго и нудно. Признался, что у него неприятности и ему никак не хотелось ехать сегодня, но он же пообещал мне! Поживаясь, мы пошли искать на путях тихорецкий пригородный поезд. Что-то заплутались, как нарочно, чуть ли не в другой поезд сели. Вадим ворчал и такой с виду был сердитый, что я хотел отказаться от поездки. Погода портилась, промозглая сырость действовала на нервы, срывался снежок... Наконец, объявили, что на второй путь подаётся тихорецкий пригородный, и мы, угубая головы против ветра и снега, пустились к нему. Влезли в предпоследний вагон, сели у окна... Вскоре за окном потянулись поля, лесополосы. Глядя на них, я радовался, что вырвался из грязного тесного города на свободу. Давно не приходилось ездить поездом, и недалекое путешествие показалось милой забавой. Все мои попытки разговорить Вадима ни к чему не привели, казалось, что каждый едет сам по себе. Поезд полз медленно, обшарпанные вагоны едва тащились по степи. И тут Вадим неожиданно встрепенулся, нахмурился, вынул из портфеля записную книжку и стал что-то записывать, то глядя в потолок, то переводя взгляд в окно, то на прягая память, то просветляясь лицом. И я понял: пишет стихи! Я ему не мешал, а он, отрешенный от всего, записывал что-то в блокнот. Он и не заметил, как прибыли в Выселки. Когда выходили из вагона, похвастался, что написал целых два стихотворения. Они потом вошли во второй сборник стихов «Уголок земли». В Выселках снег перестал сыпать, выглянуло солнышко. Вадим пове-

селел, стал внимательным ко мне, и я его не узнавал: совершенно другой человек. Он признался, что благодаря моему глубокому молчанию он сочинил два стихотворения! Заверил, что именно я помог ему сделать это. Потом весело взглянул мне в глаза и сказал: «Когда человек сочиняет стихи, его змея не укусит. Ты понимаешь это – значит, ты тоже поэт!».

Помню еще одну поездку, в Брюховецкий район. Вадим уже был несколько лет членом Союза писателей СССР, самым молодым в писательской организации, уже окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького,

работал литературным консультантом в Краснодарском отделении Союза писателей РСФСР. Добирался также поездом, и опять, как тогда, в первый раз, я не мешал ему делать черновые наброски. За время наших совместных командировок я заметил, что ему хорошо пишется в дороге. Да он и сам признавался: «Как только я сажусь в поезд или автобус, так и поднимается что-то в душе и просится наружу. В самолете почему-то этого не происходит. Больше половины своих стихов я написал в автобусе Краснодар – Белореченск, навещая родителей».

А тогда, прибыв в Брюховецкую, Вадим, довольный, подшучивал: «Что-то есть в тебе такое, располагающее к творчеству. Взгляну на тебя – и самая строптивая рифма послушно идёт в строку!» И у нас с ним установились отношения самые дружественные. Вадим охотно брал мои первые рассказы, читал и подсказывал, как лучше доработать рукопись, я учитывал его полезные замечания.

В общении с ним я многому научился. Особенно запомнились мне наши встречи с читателями. Чудные были времена! В райцентре нас встретил сам первый секретарь. После непродолжительной беседы передал в руки секретаря по идеологии, красивой женщины, та – заводилой пропаганды, а тот уже до конца нашей командировки не оставил нас. По четыре-пять встреч в день организовывал он, учитывая, что не так часто труженикам села приходится видеть и слушать живого писателя. В первую очередь нас приглашали в школы. Прекращались занятия, набивался актов зал учащимися с пятого по десятый класс. Когда я впервые оказался лицом к лицу с этой орущей, визжащей, смеющейся аудиторией, то побледнел. Вадим заметил это и положил руку мне на плечо: «Не дрейфь, этих

читателей я беру на себя!» Меня поразило то, что, едва он поднялся из-за стола и немного приблизился к первым рядам, в зале стихло, а через несколько минут уже была полная тишина. Вадим говорил о литературе, о поэзии, о ее истоках, говорил просто и понятно о сложных вещах. Вовремя разряжал напряжение шуткой или веселым рассказом из своей учительской практики. Львиную долю времени отводил ответам на вопросы. А вопросы сыпались, как зерно из бункера комбайна. Отвечал Вадим на них кратко, остроумно, а главное, с пользой для юных умов и душ. Когда мы вышли на улицу с цветами в руках, я посмотрел на

дим. – Но для прозаика нужно уметь хорошо сидеть на стуле, а я – человек подвижный, не хватает усидчивости». Но, видимо, с годами это качество он приобрёл, потому что в периодике стали появляться его очерки и рассказы, и я не был удивлен, что к своему 60-летию он выпустил солидную книгу прозы «Брызги Понта Эвксинского» – роман и две повести.

Мы по-прежнему встречались, когда-нибудь уединялись у него на дачке, и нас, таких разных, судьба ещё крепче связала. Где, как не на природе, есть возможность поговорить о жизни, отдохнуть душой. «Нет ничего лучше иметь рядом такого спокойного, уравновешенного друга, – признался как-то Вадим. – Устал от газетной шумихи, суеты околотитературной братии...»

Нам с Вадимом довелось родиться в 1941 году, детскими глазами увидеть свою Отчизну в руинах. И в пенсионный возраст уходим по развалинам страны. И все же мы остались верны и данной Богом душе, и своему призванию.

Однажды рано утром Вадим разбудил меня телефонным звонком, попросил срочно приехать к нему. Как выяснилось, ему приснилось, будто горит дача. Настолько ясно увидел он во сне пожар, будто наяву происходило. Когда я появился у него, он уже был готов, в своей вылинявшей штурмовке, в кепке, с ведром в руке, в которое уложил кой-какую провизию. Дачный сезон давно уже кончился, и он не собирался в скором времени провести свое «хозяйство». А тут заторопился. Было ещё темно, когда мы сели в первый дачный автобус. Проскочили мост через железную дорогу – впереди оказался поселок Знаменский, а за его окраиной потянулись поля, дачи. Вышли мы на второй остановке, и Вадим сразу устремил взгляд на ту сторону улицы, где находился его дачный участок, но огня и дыма над деревьями не увидел. Вадим ускорял шаг, я едва поспевал за ним. И вот стоим у калитки его дачи. Совершенно тихо. Домик стоит цел-целехонек, замки на месте. И все же, осторожничая, мы проникли в комнаты. Огляделись по сторонам – никого, вообще никаких признаков чего-то подозрительного. Мышами, правда, пахло, которые тут же разбежались. Вдруг он услышал шорох в печке-голландке. Прислушался.

– Мышь, – сказал я.

– Нет, мышь уже давно бы ускользнула.

Мы приблизились к печке, прикинули к плите, шебуршались в топке под ней усиленно. Вадим снял осторожно маленький кружок, затем чуть побольше. И вдруг из печки что-то выпорхнуло. Я увидел, что это самый обычный воробей. Бедняга, удирал, наверное, от коршуна, спрятался под колпаком трубы да и провалился по прямой в топку. Сколько дней он пробыл там – неизвестно, а уж сколько страху натерпелся! Можно себе представить, как отчаянно бился, как хотел вырваться на свободу! Чуткое сердце поэта почувствовало на расстоянии беду малой птахи, отчаянный призыв которой пришел к нему во сне в виде пожара. Более всего умилился Вадим тому, что воробей не сразу улетел в открытую дверь, а три раза облетел его голову, оваял ее трепыханьем крыльев, как бы поблагодарил за спасение. Освобожденный из плена воробей помог Вадиму зарядиться вдохновением и еще больше полюбить жизнь.

Помню, когда мы уезжали с дачи, на которой больше делать было нечего, Вадим несколько раз повторил строки Пушкина:

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать.

Но Пушкин это сделал, «наблюдая родной обычай старины», а Вадим – по какой-то чудодейственной интуиции, без которой, наверное, не может быть поэт.

Геннадий Пошагаев

ЮБИЛЕЙ

Анна
Вартаньян**БАТЮШКО-ПОЛЕ**

Родина ясная, мудрая, вечная,
Пташкой твоей поднимусь к небесам.
Ты – моя клятва, судьба подвенечная,
И никому я тебя не отдам.

Каждому колосу кланяюсь радостно –
Хлебушком хрустким накормит семью.
Поле мне видится батюшкой-мастером,
Зёрна просеял он в душу мою.

Каждое зёрнышко вырастет заново,
Книгою станет, любовью храня.
Батюшко-Поле назвал меня Анною –
Милость. Как будто растут зелена...

ЧАЙ

Заварка из веток вишнёвых –
У чая малиновый цвет.
Похож он на чистое слово,
Добавок ни крошечки нет.

Нам жить бы вот так, на изломе,
Не пряча ни совесть, ни стих.
И счастье аукнется в доме –
Горячий и радостный миг.

ПОД ДОЖДЁМ...

Листва усыпала асфальт,
И я под небом – на коленях,
И капли лунные горят,
И от дождя намокли тени.

О чём молюсь? Чего прошу?
Тепла и верности любимым,
И сил писать карандашу,
Ведь слово, как душа, ранимо.

Прошу спасенья для Руси,
Она мне – мать и дочь-младенец.
Травой успели зарости
Дыханья изб, криниц, поленниц.

Мольбу услышат или нет?
Стою, смиренная, под ливнем.
Душа увидела ответ –
Звезду на небе ясно-синем...

МЫСЛЬ-ТРАВИНКА

Поёт ковыль на Поле Куликовом.
Седой и мудрый. Память о войне.
И мысль-травинка прорастает снова:
«А если б выпало тогда родиться мне?»

Спасала б раненых, собою закрывая,
Шепча: «Родной, сейчас перевяжу...»
Земля неповторимая, святая,
К тебе я снова кротко прихожу.

Колен доверчиво касаются ромашки,
В ладонь легли – согреться – колоски.
И горьковатым мёдом станет кашка,
И облака, что ангелы, легки...

НЕОСЛЕПШИЕ

На небе сиреневом – чёрные ветви –
Рисунок бесснежной зимы.
И окна в тумане вечернем ослепли,
А может, незрячие – мы?

И бьёмся сердцами о крики и ссоры,
Себя не умея любить,
Обид вырывая несметные норы,
А гнёзда умеем ли вить?

На небе сиреневом – чёрные ветви –
Искусный рисунок. Душа.
Живём на Земле и ещё не ослепли,
И в Небо тропинка – свежа...

ТРОПИНКИ-ПОМЫСЛЫ

Вошёл ко мне и тихо склонился,
Не прикасаясь к покрывалу сна.
Ты летним днём, как солнышко, родился,
А я весной для солнца рождена.

Но покрывало всё-таки упало,
Глаза открылись – стал их целовать...
И дня, и года лучшее начало,
Его тоске не будем отдавать.

Морозен день, но солнечен и звонок,
Его тропинки-помыслы чисты.
И улыбаюсь я тебе спросонок,
И улынулся просветлённо ты...

ЛЮБИМЫЙ

Нет у меня любовников.
Только – любимый. Ты.
Сосен высокие оклики
Дарят душе мечты.

Небо, как птица синяя...
Вот бы к нему взлететь!
Сердцем впитать просимое.
Только бы верить, сметь.

Смею. И жарко верую.
Здравствуй, любимый мой!
Горе в земле потеряно,
Небо и ты – со мной.

ДОМ

Затихает город за окном,
В чехарду, смеясь, играют тени.
Обнимаю вновь твои колени –
Это, значит, Счастье входит в дом.

Нет. Оно давным-давно вошло
Полновластным жизни властелином.
Пахнет в доме булочками с тмином,
Чувствует ладонь твоё тепло.

Ничего не надо объяснять,
Каяться – Любовь исповедальна.
Смотришь нежно и чуть-чуть печально –
Лишь тебе дано меня понять...

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

Аз, буки, веди... Ты меня учил
И нежности, и сполохам в ночи...
И без утайки радостно шепчу:
«Продлить до Вечности учение хочу...»
Аз, буки, веди... Папушкой назвал.
От этого растает и металл.
Не уходи. И я не улечу,
Приникнув жарко к твоему плечу.
Аз, буки, веди... Льётся тишина.
И нас боится разбудить она...

ХРИЗАНТЕМЫ

Хризантемы в облаках –
Наши ночи.
У тебя я на руках,
Ты хохочешь.

Ты хохочешь и меня
Поишь смехом.
А по полю зелена –
Новым веком.

Я люблю тебя, люблю!
И – любима!
Хризантемы сохранию.
Я – хранима!

СУДЬБА – НЕ ПОЛУШКА

Под щекой – не подушка.
Твоя рука.
И судьба – не полушка –
Светла, горька.

Не отдам и минуты
За царский мёд.
В спальню сон необутый
Тепло войдёт...

ПРЕДАПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

О, как же сердцу солнца не хватает!
К лучам приникнуть – и забыть озноб.
А снег опять идёт, и лёд не тает,
Зачем холодной памяти сугроб
Почти в апреле? Почки набухают...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Без любви моя жизнь была бы намного
грустнее,
Как осколки звезды, что упали на камень
отвесный.
Снова солнышко всходит и делает даль-
них – роднее,
И становится горечь летящей, спасаю-
щей песней.

ЖИВОПИСЦЫ

Губы вдруг пересохла – целуй!
Окунуло нас Лето в пшеницу –
Златоокие синие птицы –
Среди хлебных и солнечных струй.

Не разнять наших крыльев и слов,
Васильки отголосками стали,
И заката пьянящие дали
Вместе с нами писали любовь...

ЛИВЕНЬ

Проливайся, ливень, в жаркие ладони.
Я напьюсь тобою, капли не отдам.
Проливайся, ливень! Горькое не помни.
Помни только счастье, то, что даришь сам.

Наше семицветье – не мираж, не эхо.
Травы мягко вторят радости земной.
Обнимая, солнце дарит искры смеха –
Золотинки счастья... Ливень, ты со мной!

АДАЖИО

Безудержно люблю...
Хмелею от записки
И зарыдать могу
От мига тишины.
С тобою солнце пью,
А темень в ржавой миске
Отброшена давно
И не тревожит сны.

Дай мне тебя сберечь –
Улыбкой на рассвете,
В ней – истинности любви,
Проверка гроз ночных.
Безмолвий наших речь –
Адажио в балете.
И никогда на крик
Не променяем их.

Безудержно люблю...

СВЕТЛЫЙ БАЛ

И снова лёгкий шаг зимы,
Как оренбургский пух влекущий,
И снег – так юн, и он – поющий!
Снежинки – сёстры Хохломы!

Они мне щёки расцветили
И сладко тают на губах.
Вновь слышатся былины, были,
В горящих весело дровах.

Зима... Невестины одежды...
И холод – в радость сердцу стал.
Так длись же, время! Ты – безгрешно,
Как обрученья светлый бал...

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Ветер-сумасброд срывает ставни,
Темнота – длинна...
И разлука, горше пули, ранит.
В чём моя вина?

Чай согрела. Мёд и хлеб на блюде –
Ломтики утех.
Кажется, артерии прорвутся,
Твой не слыша смех.

Во дворе аукнулась калитка.
Что? Твои шаги?
Шаль упала. Покатились нитки.
Сердце, не беги...

РУСЬ И ТЫ...

Приникла, как проникла,
Не разделить летам.
Зима холодным ликом
Не помешает нам.

Ей нас не заморозить –
Любовь огонь дала.
Все бесполезны просьбы,
Оставлены дела.

Дыхание – к дыханию,
И слёз смешался вкус.
Заветное рыдание:
Со мною ты и Русь...

ДОЛЬКА

Сеном пахнешь и рожью.
Костерок догорает...
Расплетаешь мне косы,
В них слова затаив.
И судьбы бездорожье
От любви убегает,
И звучит, не смолкая,
Ласк высокий наив.

Маком вспыхнула зорька,
Нас шутя разбудила.
Улыбнулась и дальше
Полетела светить.
На губах – поцелуя
Неостывшая долька,
Чтоб душа не забыла,
Как ты можешь любить...

РОМАШКИ

Прилетела к тебе. Осталась
Белой книгой в ладонях дней.
И огня залепкалась алошью,
Только мы не сгорели в ней,
А взлетели судьбой-строкою,
Подхватила Россия нас.
Я ни с кем не была такою,
Лишь с тобою, родной, сейчас.
И у Родины на ладонях –
В белодивье её любви –
Мы о боли своей не вспомним.
Мы ромашками проросли...

ОКЕАНА ШТОРМА НЕЖДАННЫЕ...

Ты собрал из меня мозаику –
По частичкам сберёг от горечи...
Я с тобою девчонкой маленькой
Окунулась в рассвете полночи,

В океана шторма нежданные –
Слёзы высохли, как и не было.
А тоска, что коряга странная,
Сиротливо прибилась к берегу.

Долго счастье штормило, истово,
В штиль душе до сих пор не хочется...
Здравствуй, родненький,
Здравствуй, истинный!
Ты – улыбки моей пророчество...

СОЛНЕЧНЫЕ СТРУИ

Осень мне серёжки подарила –
Капельки упавшего листа.
Ночь прошла и ничего не смыла –
У тебя в ладонях чистота.

Зоренька от счастья засмеялась, –
Ей о нас шепнули облака.
Пусть бы всё вот так в судьбе сбывалось,
И Земля в кружении легка.

Осень нас двоих с тобой целует,
Как же ей любовь не целовать?
Льются с неба солнечные струи,
Чтобы в холод их не забывать.

ТЕТРАДЬ

Уходи от него, уходи!
Он испишет тебя, как тетрадку,
И заплачет девчонкой трёхрядка,
Так, как ты у него на груди.

Уходи от него, убегай!
В лес ли, во поле, только не в омут –
Ивы-деточки горько застонут
По тебе... Ты себя берегай

Для весенних дождей, для осенней
Золотисто-шалльной кутерьмы,
Новогоднего снегорожденья,
Для святой голубиной зимы.

И поможет Господь услышать
Обновлённые зовы гармонии,
Переливы откликнутся, звоны,
Солнце нежно откроет тетрадь...

ПОЭЗИЯ

Николай
ИВЕНШЕВ

У КАЗАЧЬЕГО КОСТРА

БУДЬ ЛАСКА...

На заборе повыцвела краска,
Но написано с той стороны
Девять знаков косматых
« Будь ласка»
Не так ярко, а все же видны.
Тянет душу незримым балластом,
Что то ест и сжигает внутри.
Друг сердечный,
Дружище, будь ласка,
Вытри слезы и щеки утри.
Это присказка или сказка?
Но в любой из кубанских станиц
Ты услышишь
Родное: «Будь ласка!»
И в ответ ты ему подмигни.
Милосердие не угасло
Это словно молитвенный зов.
Словно колокол вечный: «Будь ласка».
И ответное: «Будь здоров!»
Не сложилась любовь – это встряска!
Кто в накладе, еще вопрос.
Не печалься, казак, а будь ласка,
Выше плечи, колени и нос.
Чисто. Гарно. Не ложь и не маска.
Но запомнишь на вечный век
Два чудесных словечка «будь ласка»,
Чем живет еще человек.

ДУРАКИ

Смешно сражаться с дураками.
Они разнятся, между прочим,
Кто держит под рубашкой камень,
А кто на камне дудку точит.
Один дурак пошел налево.
Другой направо путь свой мерит.
Да, вы узнали Галилея.
Другой – палач. Он ересь мелет.
Над дураком смеются куры.
Такие, братец мой, дела,
И Жанна д'Арк блаженной душой
Бесслезно на костер пошла.
Храм, словно песню возводили,
Противоядием тоски,
Их, восхитившись, ослепили
Не палачи, а дураки.
Один дурак ботвинью варит,
Другой в нее всыпает яд.
И все они в природе в паре,
Но кто какой не говорят
Кто ту похлебку даст на ужин?
Дурак он? Умник? Конь в пальто?
Его не различить снаружи,
Не знаю даже сам я кто.
В лесу взахлеб хохочет филин,
Конечно, он – дурак и плут.
Кто дураки? Кто простофили?
День начинается. Встают.
Как благостно на сеновале,
Пока не отлежишь бока,
Пока дурацкий сон не свалит
Валить с подругой дурака.

ПОТЕМКИН

Кубань опять горилку варит.
В ночи. В потемках.
А здесь когда-то в шароварах
Блистал Потемкин.
Он ногтем отчеркнул границы
Её Кубани,
Её глаза, её ресницы,
Чело с губами.
Горилка заливаает скатерть,
Мечты и планы.
А он обнял Кубань, как Катю.
Конечно, пьяный.
Грицко устал .
И снится, снится
В омете сена
Её глаза, её ресницы,
Её измена.
А гарно ли всё это, братцы,
Совсем не люблю!
Вставать и за работу браться,
Не морщить губы.

Всё мнут историю потомки.
Мол, так прокатит.
А в ней такой живой Потёмкин
С царицей Катей.

ЛЕЙТЕНАНТ НАРИЖНЯК

Наждак он теперь, лейтенант Нарижняк,
Он едет туда, где над пулей смеются
И шпалы грохочут: «И так, и растак...»
И дзенькает чайная чашка о блюдец.
А был он Нежняк, а теперь – Наружняк,
Теперь вот окопы да мутные лица.
То встань, то беги, то пригнись, то приляг.
К войне не прибьешься и не прислониться.
Шекспир невпопад. На войне веселей,
Когда отрывается сердце у дзота,
Когда отступает от дымных полей
Владычица боя – хмельная пехота.
И думал вот так лейтенант Нарижняк:
«Не может ведь Фауст храниться
в патроне.
Он где-нибудь там притаился, «кулак»,
В немецком с бархоткою патефоне.
А враг, как свояк, он не любит бардак,
Он мёртвый – и то зажимает, как статуи,
Чужой с одноглазой орлицей пятак,
С готической крепко прокаленной датой.
Пробита шинель. И потерян Шекспир,
Но вот он, Берлин, вот он, Рейх, –
головешка.

И шнапс не берёт. Не водяра – кефир.
Дошла до Победы худая гармошка.
А Фауст? Дывись, лейтенант Нарижняк,
Дывись на капрон, на чулочки, на фрау.
Всего десять марок, а хочешь – за так.
Зачем тебе, дурень, занюханый
Фауст?!»
Но Фауста нет. Он исчез. Он иссяк.
Затискана вусмерть его Маргарита.
Нежняк и наждак лейтенант Нарижняк
Задумчив, печален, как вся его свита.
Он едет домой, лейтенант Нарижняк.
Ему ещё надо для счастья детишек.
Он едет в холодный, дремучий барак
Уснуть над горой непрочитанных книжек.
Он всё-таки их зачитает до дыр,
До звона в ушах, до дрожания века...
Пехотного взвода крутой командир,
По первой профессии – библиотечкарь.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Где летает Божья коровка,
Та, которую я не убил,
Та, которая ползала робко
У изножья родных могил.
Где то катится по отрогам,
Капельюшка живого огня.
Знаю, встанет она перед Богом
И заступиться за меня.
Скажет тихо, потом помедлит:
Жил бесмысленно, кое как
Как подброшенный в небо медный,
В половицах застрявший пятак.
Ляжешь в землю святой и грешный
Но ведь дело вовсе не в том,
Как всегда ведь падает решкой,
Тот, кто был кода то орлом.
Что в коровке, какая польза,
Наступил. И букашки нет.
А оставил стоять и ползать
Меж коробок от сигарет.

НЕУПИВАЕМЫЙ РУЧЕЙ

Но подгребают старость
Тихонько. Не под дых.
А в роднике осталось

Еще стакан воды.
Все ждешь с душой упертой,
Журчит еще. Упьюсь,
Стирая этот мертвый
В живой воде привкус.
Ручей, увитый тёрном,
Глотнешь и тотчас пьян
Как в полюшке просторном
Восторженный баран.
И бес в ребро щекочет,
Теряя срам и стыд,
И сердце что-то хочет,
Молчит. Но и стучит.
Но, чу! На дне колодца,
Сквозь листья лебеды
Пульсирует и бьется
Еще стакан воды.

Как будто я подпасок,
Опять влюбился в дым,
Лишь только подпоясан
Висок седым-седым.

РОДИНА

Родина – это простое
Сочетание букв.
Вижу в глухом просторе
Крохотную избу.
В ней огонек. И книжка,
Сказок затрепанный том.
Над книжкой уснул мальчишка
С полуоткрытым ртом.
Это – моя Россия.
Лики икон строги.
Бабушка замесила
Под утро свои пироги.
Дышит в хлеву корова,
Сладко и благостно мне,
И задремали снова
Бабочки на окне.
Как снежен их облик странный,
Их сердце щемящий пух,
Когда прокричит стеклянный
В конце ошалевший петух.

У КАЗАЧЬЕГО КОСТРА

Ну, теперь это закись и накипь,
Был казак совершенно другой.
Заболел, выносили казаки,
Чтоб всю ночь он глядел на огонь.
У костра по звериному ёкал,
И в бреду мамку ридную звал.
И до Богом укрытого срока
Чтоб казак тот не умирал.
Из-за острова, из-за Буга,
Из-за этих косматых дерев,
К нему шли, как живые бурки,
Обеспечивая сугрев.
Его слышала ридная мамка,
Сердцем слышала нешто кубыть.
И суровая лихоманка
Отпускала коня напоить.
Ну а если случится, а если,
Приходила другая пора.
Пели грустно веселье песни
Вперемешку с дымком из костра.
Выносили из хаты медали,
Саблю бережно, гордо несли,
И не плакали, а кидали
Горстки три молчаливой земли.
Были здесь даже мирные горцы,
Им и воля, и честь дорога,
Они тоже пускали три горсти
На могилу родного врага.
И в поход уходили казаки,
За товарища верного мстить,
Остальное все закись и накипь,
Что и нечего байки травить.

ИЗБЕКА

В моей избе теперь узбеки,
Живут. Изба все это терпит.
Лишь жмет бревенчатые веки
Соломенную крышу треплет.
Давно погнули на помойке.
В истертых рамах наши фотки.
В пустом хлеву насквозь промокла,
Истлела дедова пилотка.
Узбеки конопельку сеют
У яблони на огороде.
Тля на спорыш навечно села,
Где кувырчался на природе.
Где я баюкался на печке,
Чесал лопатку шилом деду -
Звенят монистами узбечки...

Туда я больше не приеду.
Полати держатся на брусках,
Пустой казан грызет собака,
Боярышник не пахнет Русью,
Чтоб я случайно не заплакал.

ГРЕХ

Я веретёна продавал,
Ходил по улице в потемках,
Они в ладони пели тонко,
Вздыхали бабы: « Карнавал!»

Точил их дедушка из липы,
А продавали за пятак,
Те медяки к ладоням липли,
Я клал их в стружки, на верстак.
Но детство все таки есть детство,
Щедра родная сторона.
В одной избе копеек десять
Я получил.
– Сиротка, на!

Грехов за жизнь скопилось столько!
Ругался, врал, курил и пил.
Но с той поры я помню стойко,
Что пять копеек утаил.

ВЕСНА

Весна приходит невзначай,
Как девушка в трамвай из мрака,
И хочется от счастья плакать.
Петь песни,
Пить зеленый чай.
Как в детстве к дереву прильнуть.
И ощутить щекой и кожей.
Вон мальчик – на меня похожий -
Мое лицо, походка, суть.
Опять Господь меня простил
И подарил весну под утро,
Осыпал все деревья пудрой.
А я его и не просил.
Еще немея ото сна,
Я подошел к окну.
О, Боже!
Всего -то навсего, всей кожей.
Мальчонка. Дерево. Весна.

ВЕСЕЛЕНИЕ

Им отомстил кремлевский горец
В суровой битве за Кавказ.
Они сжимали в пальцах горе,
С балкона поступал Указ.
Читал вертлявый Каганович,
Сбивая шапку набекрень,
Вы рождены для жизни новой!
Все остальное – дребедень!
Ведь вместе весело, досыто
Из кукурузы кашу есть.
Вы больно ушлые, хитрите,
А надо сбить казачью спесь.
Утрамбовали их в вагоны,
Приёмщик со штыком орал,
Да так, что дыбились погоны,
Как по весне река Урал.
Их пробирало до печенки,
Глядеть на это нету сил,
Ведь знали для чего девчонок,
Приемщик, скалясь, выводил.
В другой вагон, где было сухо,
Где был разрезан сала брус,
И эта в конопущах сука,
И эта вша, и этот гнус...
Их до костей глодали черви,
Случалось и червей, да – в рот
Они чумазые, как черти,
Живой жевали бутерброд.
Морозы дубят за Уралом
Все семь казачьих, снятых шкур,
Рабовладельцу было мало:
– Не пейте, пойте в перекур!
Не та их молодость водила,
Не та бросала их под лед,
И где казацкая могила
Теперь никто не разберет.

А он с вершин смотрящий зорко,
Тёр свой в морщинных петлях зрак.
Не видел, как в степи лазорьку
Сжал коченеющий казак.

ЧУКЧА

Ты относишь ко мне чутко,
С нежным комком у горла
Я, ведь с тобой, как чукча,
Въехавший в чудный город.
Как все кругом высоко,
Нет ни врага, ни друга
В сладких сетях восторга,
Смешанного с испугом

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС!

С 1 апреля по 30 июня 2017 года открыт приём заявок на участие во II Международном молодежном фестивале-конкурсе поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы». Фестиваль-конкурс «Берега дружбы» проводится 6-7-8 октября в рамках одноименного Международного проекта по сближению славянских литераторов на территории Неклиновского района Ростовской области. В числе учредителей: Союз писателей России, Союз писателей Беларуси, Союз писателей Украины, Международный Союз писателей и мастеров искусств.

Для участия приглашаются авторы в возрасте от 18 до 35 лет, независимо от гражданства, национальности, места жительства, членства в творческих союзах, авторы взаимных поэтических переводов на русском, украинском и белорусском языках, а так же переводов на русский язык со всех языков Российской Федерации.

Заявки для участия в фестивале-конкурсе «Берега дружбы» принимаются в электронном виде согласно Положению на e-mail: sever.1959@mail.ru

Контактный телефон: +7(928)258.40.00 Подробности: <http://www.rospisatel.ru/sobytaja2017/57.htm>

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ВДОХНОВЕНИЕ» Г. КОРЕНОВСКЛюбовь
Журавлева

Рожденья миг всевышним озарён,
мне жить на свете довелось без кожи.
Мой каждый нерв раздет и оголён,
Как быть? Поведай, милостивый Боже.

Изводит душу бесконечно боль,
В ранимом сердце не унять терзаний.
Набросить плащ надежды мне позволь,
Оставив в прошлом тяжкий груз страданий.

Тумана капельки с утра,
Дрожат на липкой паутине.
Прохлады нежная пора –
На мокрых ветках осень стынет.

Нежаркие скользят лучи,
На росах зажигая искры.
Сияньем золотой порчи,
Укрыли землю солнца брызги!

Что такое Родина?
Домик у реки,
На дощатом мостике
Дремлют рыбаки.
Что такое Родина?
Сад мой и цветник.
Шепчет что-то хмелям
Ветер озорник.
Что такое Родина?
Вся моя семья.
Мама, папа, бабушка
И конечно я.
Что такое Родина?
Милые места,
Где светлеет сердце
И душа чиста.

Мой внук мальчишка семи лет,
Уже солдат, ведь он кадет!
Он клялся миром дорожить
И верно родине служить.
Науки в школе постигать
И дома маме помогать.
Пусть он ещё росточком мал
Бережь Отчизну обещал!

Я закрою глаза на мгновенье
И прощай этот призрачный мир.
Мир фантазий чужих, мир-виденье,
Ни к чему мне земной этот пир.
Тут война подаётся на блюде,
Управляет толпой дирижёр.
И безвольно бредущие люди,
Прославляют разврат и террор.
Закрываю глаза на мгновенье,
Шар земной представляю в цветку
Дал создатель любовь и терпенье,
Время дал,
Воплощайте мечту!

Что же ты моё сегодня,
Чем обрадуешь меня?
Флаг зари давно уж поднят,
Шум у старого плетня.

Пролетел проказник ветер,
Унося печаль и грусть.
Воздух чист, прохладен, светел.
Весел день мой будет пусть.

И какой бы там сценарий.
Не писала мне судьба.
Посажу в саду розарий,
Для себя и для тебя!

КНИЖНЫЙ МИР

«ГОЛОСА ПОЭТОВ РОССИИ»

В новый проект Натальи Бедной «Голоса поэтов России», книга первая и вторая, вошли

её статьи о творчестве участников Великой Отечественной войны кубанских поэтов Крони-

да Обойщикова и Александра Алексева; блокадников Ленинграда Лидии Хямеляниной и Александра Крюкова. А также – Геннадия Иванова (Москва) и Николая Зиновьева (Кореновск); Владимира Скворцова (Санкт-Петербург), Сергея Антипова (Москва); азовского педагога, публициста Николая Дика; кубанских поэтов – военного врача Алексея Горобца; журналиста Валентина Мельникова, а так же Валерия Клебанова, Виктора Деревянко, Ирины Вединовой, Светланы Донченко, Людмилы Нацевич, Елены Степуры, Светланы Медведевой.

Главный критерий выбора материала – душевительная направленность произведений. Автору книг удалось передать творческую индивидуальность

каждого поэта, вызывает неподдельный интерес переплетение стихотворных строк с биографиями. В этом несомненная заслуга Натальи Бедной, профессионально и с большой любовью к поэзии выполнившей задачу познакомить читателя с творчеством современных поэтов России.

Первая книга – о сборниках стихов современных авторов – вышла в серии «Премия имени Владимира Гильаровского представляет публициста», издательство Интернациональный Союз писателей, г. Москва (тираж 3000 экз.); второй сборник – в издательстве «Серебро Слов», г. Коломна.

«Голоса поэтов России» Натальи Бедной адресованы широкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВЕРНОСТЬ», КРАСНОДАР

Только прилетели из Мары в Ашхабад: моя мама, муж, я и наша немецкая овчарка Джерри. Почти четыре часа до следующего рейса. Мама с вещами осталась в зале ожидания. А мы пошли выгулять Джерри. Напоследок запечатлеть в памяти местное население в национальной одежде. Послушать их язык и вообще надышаться родным туркменским воздухом, которым я наслаждалась с рождения. Но распался Советский союз и когда-то простые, дружелюбные туркмены вдруг возненавидели русскоязычное население и внезапно забыли русский язык. И вот спешно, практически за бесценок, продав свою квартиру, пришлось бежать в Россию. Впереди трехчасовой перелет на Краснодар и мы в безопасности. И было совсем не важно, что едем в никуда. Главное среди своих, и никто не крикнет в след: «Езжай своя Россия!».

Билеты уже куплены. После консультации в окне справок, где сказали, что сумма за перелет собаки останется прежней, мы отложили нужную, а это была приличная сумма, почти среднемесячная зарплата, а остальные манаты потратили на сладости. Выстояв очередь у стойки, за час до вылета, подали документы для регистрации. Взвесив Джерри, нам выстави-

Елена Нимчук
Краснодар
Неизвестный,
которого буду
помнить всегда

ли к оплате сумму в три раза превышающую за эти же услуги предыдущую. Мы возмутились, но нам ответили, что при пересечении границы расценки уже международные. Разбираться смысла и времени не было. До вылета час. Не бросать же Джерри в аэропорту. Женщину за стойкой абсолютно не трогали объяснения, уговоры, мои слезы, жалобный скулеж Джерри. Не знаю, понимала ли собака, что решается её судьба или просто чувствовала беду. В очереди сочувствовали, но такие же, как и мы – вынужденные переселенцы, которые от местной валюты избавились за ненужностью. Да и денег-то таких часто не водилось ни у кого. Последний год страна отоваривалась по карточкам – следствие их долгожданной независимости. А хранить старые советские деньги смысла

не было, в России ходили в обороте уже новые, которых в Туркменистане и не видели. Доллары исчезли из банков страны еще перед развалом Советского союза. Менять на манаты было нечего. Мы с мужем и Джерри бросились к начальнику, тот что-то сердито проговорил на своем и указал на дверь. Что же делать? Хоть милостыню проси.

Плюнув на приличия и стыд, мы подбежали к туркменам, указывая на жалобно смотрящую собаку, объясняли ситуацию, предлагали купить любую вещь, что была на нас. Одни, делая вид, что не понимают русского, злорадствовали. У других такой крупной суммы не нашлось. Времени не оставалось, пора идти на посадку. Был только один вариант – найти любимой питомце нового хозяина и протереться. Подумав, мы решили

обратиться к продавцам ларьков, там – то уж точно местные работают. Понятно, что Джерри немецкая дрессированная овчарка, с документами, но ей уже два года и не каждый решится взять взрослую собаку. Из одного ларька к нам вдруг подошел молодой парень, туркмен. На чистом русском пояснил, что видел, как мы бегали в поиске денег и слышал нашу историю. Вложив мужу в руки стопку манатов, сказал, что здесь вся сумма и пошел в ларек.

Мы не сразу поняли, что произошло. Джерри словно почувствовав своё спасение, безудержно виляя хвостом, потянула поводок за парнем. Придя в себя, мы догнали его. От счастья я ещё больше расплакалась. С трудом выговаривая слова благодарности, обняла парня. Муж снял часы, протянул незнакомцу, но тот категорично отказался. Парень стеснялся своего благородного поступка. Ему было неловко. Настоящий мужчина. Вдруг мы услышали свои имена. Кричала мама. Размахивая билетами, показывала, что опаздываем на посадку. А Джерри сама подала лапу своему спасителю – на счастье. Это была единственная благодарность, которую с удовольствием принял наш благодетель. У которого в суматохе мы не спросили даже имени.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Прокопенко

Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

ул. Красноармейская, д.39, ком.115
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

14.04.2017 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная